

Уроки классики

«Ведь как просто»

РОМАН «Война и мир» заканчивается знаменитым изречением одной из самых задушевных мыслей самого Толстого: «Я хотел сказать только, — продолжал Пьер, — что все мысли, которые имеют огромные последствия, — всегда просты. Вся моя мысль в том, что ежели люди порочны связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто».

Да, логика «от противного» тут действительно весьма проста: если «они» — «того», то «мы» соответственно — «этого!». Как просто и очевидно! Но вот почему-то порочные люди, как во времена Толстого, так и во все времена, были связаны между собой и составляли силу, в то время как честные люди были разобщены — как во все времена, так и во времена Толстого.

Что же мешает честным людям давно связаться воедино в несокрушимую силу?

Не чувство ли самодовольства и тщеславия, которое распыряло честного Пьера в момент изглаголивания этой истины?

Что мешало двум честным людям и великим писателям-современникам Льву Толстому и Федору Достоевскому встретиться и поговорить по душам? А что мешало трем великим мыслителям — Николаю Федорову, Льву Толстому и Владимиру Соловьеву — понять друг друга, освободив себя от утопических крайностей, ибо, как сказал один современный писатель: «На каждом уровне знания своя мудрость, важно, чтобы они совпадали по времени и по фазе. Иначе беда».

Действительно, беда, и не раз выходило в истории, что из-за тщеславного «нетерпения сердца» многие дела честных людей оборачивались тем же несчастьем для человечества, как и злые дела людей порочных.

Проблема эта была чуть ли не центральной этической

проблемой для Льва Толстого. На советы духовно близких ему людей не печатать при жизни свои сочинения, Толстой записывает в дневнике 11 декабря 1888 года: «А я так плох, что в душе не согласен». И на другой день, возвращаясь к этой теме: «Как легко сказать (то есть на словах-то он согласился! — Б. С.) и как трудно чувствовать так, чтобы делать то, что говоришь... Да! Есть совесть. Люди живут либо выше совести, либо ниже совести. Первое мучительно для себя, второе противно. Лучше то, чтобы жить по растущей совести всегда немного выше ее, так, чтобы она достигала то, что взято выше ее. Я живу выше, выше совести, и она не догоняет: и в том, что оскорбляюсь, и все чувствую и тщеславен, что не хочется не печатать до смерти».

Из этой исповеди видно, что Лев Толстой глубоко сознавал и не прятая от себя и других свое несовершенство и много уступая в этом отно-

шении своим старшим братьям — Николаю и Дмитрию. Он восхищался Дмитрием, говоря, что тот абсолютно лишен тщеславия.

Непревзойденным идеалом для Толстого был его брат Николай. Сергей Львович в своих воспоминаниях пишет о нем: «Всюду, где он был, он вносил умственные и нравственные интересы, а в душе своего младшего брата он посеял семена, которые принесли обильный плод... Про него Фет писал, что он был «замечательный человек, про которого мало сказать, что все знакомые его любили, а следует сказать — «обожали».

«То смирение перед жизнью, которое Лев Толстой развивал теоретически, — говорил Тургенев, — брат его применил непосредственно к своему существованию», — писал в воспоминаниях Евгений Гаршин.

Теперь мы можем возразить на заветную мысль Толстого следующим: честным людям мешает соединиться, помимо всего прочего, но не в последнюю, а может быть и в первую очередь, бес тщеславия, распирающий каждого такого честного деятеля. Мно-

гие из них и истину-то (научную или духовную) ищут не ради самой истины и всеобщей блага, а ради личного бессмертия — только затем, чтобы дать ей свое имя, прогласиться за ее счет. И если кто потом выступал против этой истины, становился для ее «автора» личным врагом.

Несколько лет назад, слушая радиопередачу, где шла речь о том, что ставят педагоги одной московской школы во главу угла в воспитательной работе, я был обрадован следующим высказыванием одного из них: «Теперь у нас ребята не стремятся быть первыми, а стараются помочь друг другу, помочь слабым, отстающим».

«Ну, — подумал я, — лед тронулся!».

Но потом огляделся, приоткрылся — нет, воспитание по-прежнему в большей мере апеллирует не к высшим духовным задаткам молодой души, а к индивидуализму, вырастающему до эгоцентризма и болезненного тщеславия. Всюду, куда ни кинь взгляд, кипит борьба за призовые места как главный стимул роста «личности», ее самоутверждения.

В одной из телепередач «Что? Где? Когда?» был предложен такой вопрос: почему царь Авгий отказал Гераклу в вознаграждении за его подвиг — очищение авгиевых конюшен?

Знатки ответили неправильно, когда объявили правильный ответ — они были ошеломлены (думаю, и зрители тоже, насколько для нынешних людей это необычно). Оказывается, река тут ни при чем, просто в Древней Греции за подвиги не полагалось награды, подвиги совершались бескорыстно! И великий Геракл в данном случае просто оказался не на высоте, требуя себе награду за подвиг. Ни у одного современного молодого человека — сверххрудита не было в памяти информации подобной ценности, потому что все они ориентированы в жизни на другие ценности — «призовые места».

На склоне лет в своих автобиографических заметках Толстой дает как бы итоговую формулу по мучившей его всю жизнь проблеме: «Нет ничего выше того, как то, чтобы сносить презрение за свою добрую жизнь». Приведа эту мысль Марка Аврелия, Тол-

стой добавляет: «Так вреден, так неустрашим соблазн славы людской, примешивающейся всегда к добрым делам, что нельзя не сочувствовать попыткам не только избавиться от похвалы, но вызвать презрение людей».

Несколько раньше в дневниковой записи Толстой как настоящий врач-психиатр дает точное описание этой болезни и ее губительного последствия для души человека: «Нельзя быть достаточно осторожным в поощрении в себе тщеславия — любви к похвале. Если бы врач хотел погубить человека, то вернее, чем спойти — захватить его. Развивается болезненная чувствительность — при похвале ведущая к праздному расслаблению, при порицании — к озлоблению и унынию. Главное, увеличивает болезненность и уязвимость».

Возвращаясь к проблеме единения честных людей, которое так волновало Льва Толстого, напомним строки из его письма Н. Страхову. Толстой описывает свою встречу со стариком Тютчевым, и вот какое признание делает он: «Из живых я не знаю никого, кроме вас и его, с кем бы я

так одинаково чувствовал и мыслил. Но на известной высоте душевной единство воззрений на жизнь не соединяет, как это бывает в низших сферах деятельности, для земных целей, а оставляет каждого независимым и свободным. Я это испытал с вами и с ним. Мы одинаково видим то, что внизу и рядом с нами, но кто мы такие и зачем и чем мы живем и куда мы пойдём, мы не знаем и сказать друг другу не можем, и мы чуждее друг другу, чем мне или даже вам мои дети. Но радостно по этой пустынной дороге встречать этих чуждых путешественников. И такую радость я испытал, встретясь с вами и с Тютчевым».

Великие писатели прошлого верили, что единения на таких основаниях человечество достигнет в будущем, когда поднимется на несравненно более высокий социальный, культурный и духовный уровень. Неплохой удел — работать во имя такого будущего. И Лев Толстой в этом нам великий помощник.

Б. СУШКОВ,
кандидат искусствоведения.